

Уникальный альманах издавался когда-то в Ленинграде. Многие годы он служил трамплином для начинающих ленинградских авторов. А его незатейливое, даже казенное название, довольно скоро стало брендом.

Можно сказать, что «Молодой Ленинград» зажигал «звезды» – разной яркости и величины, но без окуляров заметные в советской литературе.

Именно здесь дебютировал Андрей Битов; публиковались ранняя проза Валентина Пикуля и Даниила Гранина, стихи юных Иосифа Бродского и Александра Городницкого. А в 1971-м году в альманахе вышел рассказ Сергей Довлатова «Ниже ринга» – одна из редких его прозаических публикаций в СССР.

«Я очень благодарен этому изданию, где печатались многие мои друзья, талантливые поэты и прозаики. Каждый выход альманаха был событием – любовь к стихам и прозе наполняла жизнь смыслом и делала ее захватывающе интересной», – признается Александр Кушнер, чьи стихи появились в альманахе за пять лет до входа его первого сборника.

Попасть на страницы издания было не так просто. «Публикация в альманахе давало ощущение того, что ты действительно стал писателем. Это был статус. Но был и строгий отбор. Пять-семь редакторов читали рукописи, ставили на полях плюсы и минусы, потом все подсчитывали... Мне, молодому автору, которого брали и в «Неву», и в «Звезду», так и не удалось пробиться в «Молодой Ленинград», что было довольно обидно», – вспоминает поэт Алексей Ахматов, в 1997-м году попытавшийся возобновить альманах, теперь уже под названием «Молодой Петербург».

«Молодой Ленинград» просуществовал с 1937-го по 1989-й год (всего было выпущено 29 альманахов и 3 сборника). За это время менялись редколлегии, формат, обложка – даже шрифты в названии нередко были разными. Но суть – открывать новые имена, давать возможность начинающим талантливым авторам показать себя – оставалась неизменной.

«Войною обожжен мой стих...»

Первый выпуск альманаха «Молодой Ленинград» вышел в свет в 1948-м году. Однако у него был прототип – сборник стихов с аналогичным названием, изданный в 1937-м году поэтом Александром Прокофьевым.

Под твердой, темно-синей обложкой, Прокофьев собрал стихи тринадцати молодых авторов (в возрасте двадцати-двадцати пяти лет). Стихи разного уровня: от полуграфоманских некоего Бориса Шмидта («Кто не видел Лелькиных / Белых зубов, / Тот, поди не знает, / Есть ли любовь!») до зрелых Павла Шубина («Кто большего счастья попросит, – / Чем, парус поставив ребром, / Стряхнуть на песок под откосом / Фунтовых язей серебро!»).

Некоторые имена потом довольно громко прозвучат в литературе.

Всеволод Азаров, несмотря на юный возраст, к моменту публикации в «Молодом Ленинграде» имел за плечами два поэтических сборника и одобрение Нобелевского лауреата Ромена Роллана, которому имел смелость отправить свои стихи. В 70-е годы Азаров основал литературное объединение «Путь на моря», которое существует до сих пор.

Павел Шубин прославился благодаря песням «Волховская застольная» и «Аленушка» – последнюю исполнял на концертах Вертинский по возвращении в Россию («Всё, что прожито и пройдено, / Все тобой озарено, / Милая навеки Родина, / В счастье светлое окно!»).

А песни Владимира Лившица до сих пор звучат с экранов телевидения каждую новогоднюю ночь («Пять минут, пять минут...», «И хорошее настроение не покинет больше вас!»).

Бронислав Кежун написал множество пародий, фельетонов и эпиграмм. Но ленинградцы помнят его, прежде всего, по строкам, выбитом на блокадном мемориале «Разорванное кольцо»:

*Потомок, знай: в суровые года,
Верны народу, долгу и Отчизне,
Через торосы ладожского льда
Отсюда мы вели дорогу Жизни,
Чтоб жизнь не умирала никогда.*

Спустя четыре года война неумолимо прошла по каждому из авторов сборника. Юные лирики переквалифицировались в военкоры, ушли

в народное ополчение. Вторая мировая надолго вошла в литературу (да и остается в ней до сих пор). «Войною обожжен мой стих», – писал Всеволод Азаров, считавший, что именно фронтовая закалка дала его стихам необходимую честность и глубину.

Собираясь в 1947-м на Первое Всесоюзное совещание молодых писателей в Москве, многие литераторы еще носили солдатские шинели. Это было грандиозное событие: сотни авторов, семинары, которые вели Александр Твардовский, Константин Симонов – их имена произносились с придыханием. А среди участников: Вероника Тушнова, Юлия Друнина... «Молодые, задорные, мы заново открывали друг друга. Без конца говорили о жизни, о победе, о нашем будущем. И круглосуточно читали стихи... Стены гостиниц Союза писателей и ЦК комсомола буквально гудели от наших сильных, молодых голосов», – вспоминал челябинский поэт Михаил Львов*.

Совещание дало импульс к созданию молодежных литературных альманахов по всей стране. В Ленинграде такой альманах появился одним из первых, и возглавил его все тот же Александр Прокофьев, который и предложил уже привычное название – «Молодой Ленинград».

Первый номер альманаха был поэтическим, и включил в себя стихи поэтов-фронтовиков – Михаила Дудина, Семена Ботвинника, Леонида Хаусова... Большая часть из них посвящена только что отгремевшей войне.

«Литературные дети» Маргариты Довлатовой

В 50-х «Молодой Ленинград» стал быстро набирать обороты: увеличился объем и тираж, появились проза, публицистика и иллюстрации (они украшали альманах вплоть до 70-х годов). Александр Прокофьев, ставший к тому времени ответственным секретарем Ленинградской писательской организации, уже не справлялся с работой в альманахе. В редколлегии его сменили Нисон Ходзе и Маргарита Довлатова – тетя будущего писателя Сергея Довлатова, о которой он частенько упоминал в своих книгах.

«Тетка редактировала Юрия Германа, Корнилова, Сейфуллину. Даже Алексея Толстого. И о каждом знала что-нибудь смешное.

...Форш перелистывала в доме отдыха жалобную книгу. Обнаружила такую запись: «В каше то и дело попадают разнообразные лесные насекомые. Недавно встретился мне за ужином жук-короед...»

– Как вы думаете, – спросила Форш, – это жалоба или благодарность?..>**

* – «Смена», №1148

** – Сергей Довлатов. «Наши». Анн-Арбор: Ardis Publishing, 1983

Помимо работы редактором в Ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия», где издавался альманах, Довлатова вместе с прозаиком Леонидом Рахманиновым возглавляла Центральное литературное объединение.

«В заседаниях ЛИТО при Союзе писателей я, будучи хоть и развитым, но все-таки младенцем, не участвовал, но иногда присутствовал на них просто потому, что заканчивались они нередко в квартире моей тетки, у которой и я был частым гостем... Из этого ЛИТО вышло несколько таких заметных писателей, как Виктор Голявкин, Эдуард Шим или Глеб Горышин, один кумир советского мещанства – Валентин Пикуль и два моих любимых автора – прозаик Виктор Конецкий и драматург Александр Володин*». Почти все перечисленные участники ЛИТО публиковались в «Молодом Ленинграде» еще до выхода своих первых книжек.

Валентин Пикуль, о творчестве которого свысока отзывался Довлатов, был кумиром, пожалуй, всей страны. Общий тираж книг, изданных только в СССР при жизни писателя, составил более 20 миллионов экземпляров. Окончив из-за войны только пять классов и, отслужив на миноносце, Пикуль начал литературную карьеру спонтанно. И, отдав ей все силы, довольно быстро стал «бестселлерменом».

В «Молодом Ленинграде» публиковались его первые рассказы – «Жень-шень» и «На берегу» (1950 г.), однако взялся писать Пикуль сразу с эпического произведения.

В Ленинградском подготовительном военно-морском училище (откуда Пикуля отчислили за неуспеваемость), на глаза будущему писателю попала книга «Морское братство». «Я прочел эту книгу, и она мне очень не понравилась, – вспоминает Пикуль в статье «Родное, близкое». – Морская жизнь – такая тревожная, полная опасностей и риска... – вот эта-то прекрасная жизнь выглядела на страницах книги какой-то сухой, нудной и неинтересной. И вот тогда-то впервые запала в голову мысль: а что если я сам попробую описать увиденное...».

Так, полный самоуверенности, и вопреки воле родных, Пикуль приступил к своему первому роману – о войне и морях. Роман писался долго и сложно. Друг Пикуля Виктор Конецкий вспоминает: «...Литературная мама Пикуля – Маргарита Степановна Довлатова... одновре-

* – Сергей Довлатов. «Мы начинали в эпоху застоя». // Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4-й. СПб.: «Азбука-Классика», 2003-2004

менно была и повивальной бабкой «Океанского патруля», нормально переписав за автора около тысячи страниц...»*.

Одна из глав романа, которую Пикуль опубликовал под псевдонимом Валентин Каренин (девичья фамилия его матери), вышла в альманахе «Молодой Ленинград» в 1951-м году. Сам роман был издан «Молодой гвардией» спустя три года. Примечательно, что это была последняя книга, которую выпустило Ленинградское отделение издательства; вскоре оно закрылось, а «Молодой Ленинград» перешел под крыло «Советского писателя».

Несмотря на кропотливую работу над романом, Пикуль его недолго любил: «Это не мой роман», «Пример тому, как не надо писать романы». Однако именно благодаря «Океанскому патрулю» он вступил в Союз писателей, а сама книга уже в 1957-м году была переиздана тиражом 150 000 экземпляров.

Важную роль «Молодой Ленинград» сыграл и в судьбе друзей Пикуля – Виктора Курочкина и Виктора Конецкого. Все вместе были так близки, что товарищи прозвали их «три мушкетера».

«Кто из нас был Атосом, кто Портосом и Арамисом, и по сей день не знаю. Просто держались мы вместе – вот нас и прозвали. На мушкетеров же, по существу вопроса, мы никак не походили. Если не считать склонности к выпивке. И еще того, что в какой-нибудь забегаловке у Пяти углов или в «Щели» на Исаакиевской площади у «Астории» мы, как помню, вовсе не касались женской темы – такой закономерной в нашем возрасте. Мы толковали о литературе, вернее, мы просто-напросто рассказывали друг другу свои будущие гениальные рассказы, повести и эпопеи», – Виктор Конецкий**.

Конецкий на пару с Пикулем поступил в подготовительное военноморское училище, но в отличие от друга, окончил его и стал капитаном дальнего плавания. В «Молодом Ленинграде» он дебютировал с рассказом «В море» (1956 г.). И уже в нем сетовал: «Трудно описывать морскую корабельную жизнь: много в ней специфических деталей и сложных названий. А описания моря похожи друг на друга ревущими валами, кровавыми закатами и ровной дорожкой кильватерного следа по корме». Однако всю свою жизнь писал о море, и умудрялся делать это

* – Виктор Конецкий. «Кляксы на старых промокашках». СПб., 1997 г.

** – Виктор Конецкий. «Памяти Виктора Курочкина». // Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 7-й. «Эхо». СПб.: Международный фонд «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2002

нетривиально, даже простые зарисовки подавая с некоторой остринкой, и нередко – с юмором. («Флот одной ногой стоит на море, а другой – на юморе», – считал автор). Этот литературный подход, в итоге, прославил Конецкого на всю страну в 1961-м году, когда в прокат вышла комедия «Полосатый рейс», снятая по его сценарию.

Третий мушкетер – Виктор Курочкин, фронтовик, автор хрестоматийной повести «На войне как на войне», тоже начинал с «Молодого Ленинграда». В 1956-м году в альманахе был опубликован его рассказ «Яба», который потом развился в повесть «Записки народного судьи Семена Бузыкина». Это почти автобиографическое произведение – писатель проработал два года сельским судьей после окончания юридической школы. Повесть «Заколоченный дом» («Молодой Ленинград», 1957 г.), давшая название его первой книжке, также выросла из непосредственных наблюдений писателя. Родом из крестьянской семьи, Курочкин остро чувствовал связь с деревней, которая после войны с трудом приходила в себя. Недаром рекомендацию для вступления в Союз писателей ему давал сам Федор Абрамов, отзывавшийся о произведениях Курочкина так: «Они некрикливы, неброски... не отличаются пышностью своего оперения и новомодными придумками. Но всякий непредвзятый читатель, прочитав уже его первую книгу «Заколоченный дом», скажет: да, в литературу нашу пришел новый талантливый писатель, писатель со свежим и точным словом, с крепким знанием народной жизни и настоящей, неподдельной совестью...»*

Еще один ученик Маргариты Довлатовой – Александр Володин, мечтал о драматургии, бросив авиационный институт ради сценарного факультета ВГИКа. В повести «От случая к случаю», опубликованной в «Молодом Ленинграде» в 1956-м году, он описывает бурные переживания девушки, решившей стать актрисой. «Пять вечеров» – вторая пьеса автора, по сути, еще начинающего, снискала внезапный успех. Чтобы посмотреть спектакль, поставленный Георгием Товстоноговым, зрители приезжали из других городов. А в кинематографе имя Володиной прозвучало еще громче: фильмы, снятые по его сценариям, стали классикой советского кино (среди них «Осенний марафон», «Звонят, откройте дверь», «Сирано де Бержерак», «С любимыми не расставайтесь» и др.).

* – Виктор Конецкий. «Памяти Виктора Курочкина». // Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 7-й. «Эхо». СПб.: Международный фонд «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2002

Из всего литобъединения Виктору Голявкину, повезло с альманахом, пожалуй, меньше всех. Только один раз, в 1960-м году, в «Молодом Ленинграде» появился его рассказ «Мы играем в Антарктиду». Но к тому времени Голявкин уже не считался начинающим писателем – у него вышла книга «Тетрадки под дождем», и были многочисленные публикации в журналах «Костер», «Пионер» и «Веселые картинки».

«Рассказы, прочитанные Голявкиным на литобъединении, поразили всех, кое-кого даже испугали абсолютной непохожестью – по форме и по содержанию – на то, что сами читали и сами писали», – вспоминает Глеб Горышин в книге «Жребий. Рассказы о писателях». Он же проводит параллель между рассказами и рисунками Голявкина: «Ему помогли здесь уроки, почерпнутые в живописи: фиксация мгновенного впечатления, то есть, импрессионистичность стиля; степень абстрагирования от изображаемой природы, заострение рисунка, вольная игра цвета, света и тени»*.

Конечно, в альманах попадали не только авторы, занимающиеся в ЛИТО при «Советском писателе». Юрий Рытхэу, дебютировавший в альманахе в 1951-м году, познавал литературские азы в чукотских газетах, где работал журналистом.

А среди учителей Даниила Гранина, известного прозаика, можно назвать Веру Кетлинскую и Михаила Слонимского. Изначально Гранин выбрал для себя профессию инженера, окончив Политехнический институт, а затем проработав в «Ленэнерго». Литература была его хобби. О своем раннем творчестве Гранин говорил: «Я писал об инженерах, научных работниках, ученых... Это были мои друзья, мое окружение. Я любил этих людей – моих героев, хотя жизнь их была небогата событиями. Изобразить ее внутреннее напряжение было нелегко. Еще труднее было ввести читателя в курс их работы... чтобы не прикладывать к роману схемы и формулы».

Именно таким совмещением – литературного сюжета и научных изысканий – стал первый роман Гранина «Искатели». В 1950-м в «Молодом Ленинграде» была опубликована глава из повести «Главный инженер», из которой вырос этот роман. «Искатели» были изданы в 1954-м году, а спустя два года – экранизированы Михаилом Шапиро, снискав успех у публики.

Даниил Гранин не только печатался в «Молодом Ленинграде», но и вошел в его редколлегию в 60-х годах, помогая публиковаться начинающим авторам. И это не редкость – писатели, которым альманах пробил

* – Глеб Горышин. «Жребий. Рассказы о писателях». «Советский писатель. Ленинградское отделение», 1987

дорогу в литературную жизнь, сами становились его составителями. В их числе – Вадим Инфантьев, Глеб Горышин, Владислав Шошин... А Александр Кушнер, практически дебютировавший в альманахе 1957-го года, стал главным редактором последнего поэтического сборника «Молодой Ленинград» в 1989-м.

Глеб-гвардия Семеновского полка

«Поставщиков» молодых авторов для альманаха в советские годы было немало. Литобъединения существовали при библиотеках, Домах культуры, крупных заводах, где издавались многотиражные газеты, и вузах. Но, пожалуй, больше всего авторов публиковались в «Молодом Ленинграде» из ЛИТО Глеба Семенова, которое сформировалась в Горном институте, а позже переместилось в ДК Первой пятилетки.

В число «солдат» «Глейб-гвардии Семеновского полка», как шутивно называли ЛИТО Семенова его ученики, входили Александр Городницкий (староста ЛИТО), Владимир Британишский, Леонид Агеев, Олег Тарутин, Глеб Горбовский, Александр Кушнер и даже Андрей Битов, поначалу тоже писавший стихи.

«С самого начала «горняцкого объединения», в нем установился нетипичный в то время дух демократии, который, как я теперь понимаю, был определен в первую очередь Глебом Семеновым. На обсуждениях стихов, встречах с поэтами из других ЛИТО и просто в разговорах он все менее выглядел ментором, скорее – старшим товарищем. Чем далее, тем больше он незаметно становился как бы нашим ровесником и, возможно, сам чему-то учился. Ничего удивительного в этом не было – все как-то незаметно стали друг другу соперниками и учителями...», – вспоминает Александр Городницкий (А. Городницкий. «Атланты. Моя кругосветная жизнь»). Почти все «Глеб-семеновцы» печатались в «Молодом Ленинграде» (да и стихи их учителя появлялись там в 1948-м и в 1950-м годах).

Александр Кушнер в первый раз попал в альманах, будучи еще третьекурсником Педагогического института. Об этих своих ранних, юношески метафоричных стихах, он благополучно забыл, и не включил их даже в свой первый сборник.

*Стоят деревья и не спят:
Все машут крыльями-ветвями.
Они, закрыв глаза, летят
Своими странными путями.
Они врываются в мой стих,*

*Они с голов сбивают шляпы.
И корни сморщенные их
Напоминают птичьи лапы.
И об решетку с высоты
Ударясь, вдруг ломают ветки.
Я не люблю ходить в сады:
Дерева там как птицы в клетке.
«Молодой Ленинград», 1957 г.*

В том же номере оказался Глеб Горбовский. В отличие от «тихони» и интеллигента Кушнера, к тому времени Горбовский был бунтарем, не окончившим и техникума, зато повидавшим жизнь, объездившим полстраны с геологическими экспедициями и примерившим на себе с десятков рабочих профессий.

*Зал читальный.
Тихо поневоле.
Новый фильм. Минута до звонка.
«Знаешь, папа!..»
и ко мне на столик,
на газету –
с пряником рука.
... Обозналась девочка.
Глазами
поняла: я для нее – не тот.
С рыжими, чужими волосами,
и совсем не в папином пальто.
Вновь один,
ничейный,
у стола я,
стало вдруг нетоплено в груди...
Даже сердце поступь замедляет,
даже мозг натруженный гудит...
А мираж,
а пряник –
позади...*

У Горбовского уже сформирован образ одинокого, трагического героя, который пройдет из стиха в стих с «кривой ухмылкой» («а мираж, а пряник позади» словно иронично трансформирован из мандельштамовского «и пустая клетка позади»).

И Горбовского, и Кушнера назовут классиками ленинградской литературы. Каждый из них пойдет своей дорогой в поэзии: Кушнер – по принципам, заложенным акмеистами, Горбовский – ближе к народным мотивам и имажинистам (не зря один из его любимых поэтов – Есенин).

У Горбовского к сегодняшнему дню вышло более тридцати книг, у Кушнера – более пятидесяти. Парадокс в том, что читатели, незнакомые с современной поэзией (а таких с каждым годом все больше), знают обоих авторов исключительно по песням: «Времена не выбирают, в них живут и умирают» Кушнера и прибалтийской «Когда качаются фонарики ночные» Горбовского.

Если говорить о том, что именно песни приносят популярность поэту, то, пожалуй, самый известный участник ЛИТО Семенова – Александр Городницкий. Его называют основоположником авторской песни, а список его дискографии превосходит внушительный библиографический. Знаменитая песня Городницкого «Атланты» превратилась в неофициальный гимн Санкт-Петербурга. Но вначале сложились стихи, опубликованные в 1965-м году в «Молодом Ленинграде».

*Когда тревога свяжет
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,

Где без питья и хлеба,
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.
<...>*

Удивительно, что при своей творческой плодовитости, Городницкому удалось реализоваться и в геологической сфере, стать доктором наук, геофизиком с мировым именем и рядом научных открытий.

Альманах «Молодой Ленинград» раскрыл объятия и для других учеников Глеба Семенова: Владимира Британишского, вдохновившего на написание стихов Иосифа Бродского, Леонида Агеева и Олега Тарутина, вошедших в 70-х в редколлегия альманаха, Лидии Гладкой, ставшей впоследствии женой Глеба Горбовского, и Елены Кумпан, вышедшей замуж за самого Глеба Семенова.

Это насыщенное поэтическое время подарило русской литературе немало самобытных имен, многие из которых предстоит еще заново раскрыть для себя современному читателю.

«Оттепель» с налетом инея

60-е годы стали противоречивыми как для страны, так и для литературы. С одной стороны – хрущевская «оттепель», породившая знаменитых «шестидесятников», ироничных литературных героев-эгоцентриков. С другой – подметные письма, авторы-изгои, суды над Пастернаком и Бродским. Не избежал этой двойственности и альманах «Молодой Ленинград». Хотя в основном в 60-е годы в нем царила демократическая атмосфера. Андрей Битов назвал альманах «утаенной нишей, дающей возможность проявиться молодым авторам разной стилистики», а Валерий Попов – «островком либеральности». Оба автора дебютировали в альманахе – Битов в 1960-м с рассказами «Фиг», «Бабушкина пиала» и «Иностраный язык», а Попов в 1965-м с юмористическим этюдом «Случай на молочном заводе». В рубрику «Беседы с авторами «Молодого Ленинграда» вошли воспоминания обоих прозаиков об этих первых публикациях.

В это время альманах действительно стал отражением самых разных литературных стилей. Здесь публиковались прозаики-реалисты Глеб Горышин и Владимир Насущенко; писатель-деревенщик Евгений Кутузов, близкий по духу Федору Абрамову; Михаил Яснов и Вячеслав Лейкин, написавшие в соавторстве немало стихов для детей; Борис Вахтин и Владимир Марамзин из группы «Горожане», чей лозунг был – будоражить литературный язык любимыми способами (да и сам Валерий Попов первые свои произведения строил на гротеске, чтоб избежать пресности стиля); поэты-экспериментаторы Владимир Уфлянд и Виктор Соснора.

Уфлянд – представитель «филологической школы» (ее участники занимались в ЛИТО при филфаке ЛГУ). Несмотря на название, которое, казалось бы, призывает к традиционализму, «филологи» ориентировались на языковой эксперимент, футуристов и обэриутов. В поэзии Уфлянда есть особое свойства ирония, которую сложно трактовать однозначно – издевка это или клоунада, или отчаянная попытка примириться с реальностью? При таком двойственном восприятии, неудивительно, что в прессу в основном попадали его детские стихи. Собственно,

стихи Уфлянда, напечатанные в «Молодом Ленинграде» в 1968-м году, вполне могли появиться и в пионерском журнале «Костер».

*У Петра Иванова родители
по профессии укротители.*

*Папа носит зеленый фрак.
Мама длинное синее платье.
Папе звери послушны за страх.
Маме больше из чувства симпатии.*

*По утрам, отправляясь в цирк,
папа ест торопливо сыр.
Мама ест торопливо варенье.
Им не терпится
на арене
постоять между львами и львицами
с до того беззаботными лицами,
будто все происходит в птичнике.*

*Между прочим,
нормальные хищники
в смысле пищи
брезгают взрослыми,
потому что, в известной мере,
пахнет мясо пап
папиросами.
Пахнет мясо мам
парфюмерией.*

Виктор Соснора, стремясь к постоянной смене стилистики, экспериментировал со звуком, ритмикой, рифмой; писал он и белым стихом, и верлибром. В своих экспериментах с годами он все дальше отходил от читателя. «Соснора на протяжении многих лет и тысяч строк занят только собой и своими попытками уловить суть творчества, текущего через его сознание непрерывной рекой звуков и мыслей. Тривиально было бы в сотый раз говорить о том, что поэт Соснора под каждую из проживаемых ситуаций подстраивает вновь создаваемый язык, что он создает сложную и труднодоступную поэзию, требующую особой внутренней работы читателя», – характеризует творчество поэта литературовед Дмитрий Бак*.

* – Дмитрий Бак. «Сто поэтов начала столетия. О поэзии Даниила Давыдова и Виктора Сосноры». // «Октябрь», №7, 2011 г.

В 1961-м году альманах «Молодой Ленинград» напечатал подборку стихов Сосноры, тогда еще – слесаря-электромонтажника Невского машиностроительного завода.

Осень.

*Стонут осы
вдоль земли сырой,
атакуют осы
сахарный сироп,
и петляют осы –
ассы у веранды...
Кто сказал, что осень –
это –*

умиранье?

*Осень осеняла
Пушкина и Блока,
ливнями сияла
в облаках-баллонах.*

*Осень означает:
снятие блокады
с яблок,*

*пачки чая,
виноград в бокалах!*

*Осень гонит соду
невскую на гравий.*

*Строит свой особый
листопадный график.*

*Как вагоны сена,
движется кривая
листокаруселья,
листокарнавалья!*

А спустя пару лет Лиля Брик, выделившая Соснору среди других начинающих авторов, поинтересуется в письме: «В «Молодом Ленинграде» напечатана Ваша проза. Как бы получить?» Дружба молодого поэта и семидесятилетней музы русского авангарда, возлюбленной Маяковского, продолжалась до самой ее смерти.

«У меня был вечер в московском Театре сатиры, и после сразу же подошла пара: рыжеволосая женщина с громадными впадинами глаз и элегантный армянин. Они представились: Л.Ю. Брик и В.А. Катанян.

До меня как-то не дошло, кто это, но я был легок на подъем, и они пригласили на ужин к себе, мы и поехали. На ужине же Л.Ю. сказала, что любит мои стихи и знает их и без Театра сатиры, цитировала, ей приносил Слуцкий, и читали статьи Асеева в «Огоньке», «Правде», «Литературе и жизни» и пр. и т.д. Что слава моя громче, чем думает Асеев, и им привозили мои рукописи из Сибири, Чехии, Югославии... Я удивился, потому что я никогда не распространял себя... И затем – семнадцать лет! – она опекала и берегла мою судьбу и была мне самым близким, понимающим и любящим другом. Таких людей в моей жизни больше не было»*.

Вполне закономерно провести параллель между дружбой Виктора Сосноры с Лилей Брик и дружбой Анны Ахматовой с поэтами «волшебного хора», как она их окрестила, или «ахматовскими сиротами», как стали их называть после смерти Анны Андреевны.

Анатолий Найман в «Рассказах о Анне Ахматовой» вспоминает: «Я познакомился с Ахматовой осенью 1959-го, мне исполнилось 23 года. Были общие знакомые, повод нашелся. К тому времени я уже несколько лет писал стихи, мне хотелось, чтобы Ахматова услышала их. И мне хотелось, чтобы они ей понравились... она была ошеломительна – скажу неловкое, но наиболее подходящее слово – грандиозна, неприступна, далека от всего, что рядом, от людей, от мира, безмолвна, неподвижна...».

В последние годы своей жизни Ахматова явилась для Анатолия Наймана, а потом и для его друзей – Иосифа Бродского, Евгения Рейна и Дмитрия Бобышева – наставником, покровителем, и учителем – литературным и духовным.

«..Ахматова уже одним только тоном голоса или поворотом головы превращала вас в хомо сапиенс... В разговорах с ней, просто в питье с ней чая или, скажем, водки, ты быстрее становился христианином – человеком в христианском смысле этого слова, – нежели читая соответствующие тексты или ходя в церковь. Роль поэта в обществе сводится в немалой степени именно к этому», – Иосиф Бродский**.

С каждым из «певцов» волшебного хора Ахматову связывала и дружба, и творчество – взаимное посвящение стихов; а Анатолий Найман

* – «Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик. Предисловие». // «Звезда», №1, 2012

** – Соломон Волков. «Диалоги с Иосифом Бродским». Издательство «Независимая газета». М.: 1988 г.

работал у нее литературным секретарем. К сожалению, именно его произведений нет в «Молодом Ленинграде». Однако в альманахе публиковались Рейн (в 1962-м г.) с экспрессивными стихами о заводе («Водили меня по заводу, / Меня обступали металлы, / Усталые экскурсоводы / Окалину с курток снимали»), Бобышев – с лирическими подборками (в 1968-м и 1970-м), а в 1966-м году – Иосиф Бродский со стихотворениями «Обоз» и с посвящением «М.Б.»:

М.Б.

*Я обнял эти плечи и взглянул
на то, что оказалось за спиной,
И увидал, что выдвинутый стул
сливался с освещенною стеною.
<...>*

*Стол пустовал. Поблескивал паркет.
Темнела печка. В раме запыленной
застыл пейзаж. И лишь один буфет
казался мне тогда одушевленным.
Но мотылек по комнате кружил,
и он мой взгляд с недвижимости сдвинул,
и если призрак здесь когда-то жил,
то он покинул этот дом, покинул.*

Это одно из первых стихотворений, посвященных возлюбленной поэта Марине (Марианне) Басмановой. Здесь нет сентиментальности, нежности (впрочем, их вообще мало в любовной лирике Бродского); подробное перечисление предметов передает оцепенение героя; он не участвует в ситуации, а наблюдает ее – застывшую, словно пейзаж в запыленной раме. Кружащий мотылек прогоняет призрака – но создает нового, призрака отношений Иосифа и Марины, который будет долго преследовать поэта. Даже декларируя в эмиграции «... С твоим голосом, телом, именем / ничего уже больше не связано...», Бродский вновь и вновь обращается к теме юношеской любви. А стихи, написанные другим женщинам, за шесть лет до смерти перепосвятит Басмановой, избрав ее единственной музой.

Характеризуя творчество Бродского, Лев Лосев подчеркивает: «Стихи, посвященные „М. Б.“ <...> и вложенный в них духовный опыт были тем горнилом, в котором выплавилась его поэтическая личность. Уже в свои последние годы Бродский говорил о них: «Это главное дело моей жизни».*

* – Л. Лосев. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006.

В это же время «Молодой Ленинград» станет площадкой не только для выступлений поэтов «волшебного хора», но и для выяснения их отношений. Когда будущий Нобелевский лауреат находился в селе Норинское (после суда, на котором его обвинили в тунеядстве), у Бобышева с Басмановой завязался роман, который некоторые литераторы восприняли, как предательство, и всячески порицали «соблазнителя». Сам Дмитрий Бобышев так описывает ситуацию в мемуарах «Я здесь»*.

«К этой толпе присоединился и быстро набирающий известности писатель Андрей Битов. Только он решил устроить свой суд надо мной в прозаическом жанре, да так, чтобы приговор застал меня врасплох.

Но в планах своих он немножко ошибся – нашлась добрая душа, позвонила мне из издательства:

– Дима, у меня есть новости для вас. Первая (и это хорошая новость): мы отобрали ряд ваших стихотворений для следующего выпуска «Молодого Ленинграда». А вторая – похуже, я даже не знаю, как вам это и рассказать. Приезжайте к нам в издательство, я вам лучше покажу.

Приехал. Дело оказалось в том, что текущий выпуск того же альманаха был уже почти готов... Там был напечатан рассказ Битова с главным персонажем по фамилии... Бобышев. Этот ничем не примечательный Бобышев («маленький человек» – традиционный тип в отечественной литературе) служил инженеришкой в какой-то конторе, ленился, мелочно обманывая начальство, хотя и трусил, но прогуливал, ходил в рабочее время в кино, пытался даже завести легкую связь со случайной девицей, но сробел и пожмотничал, ну и так далее. Словом, становился Бобышев именем нарицательным для мелкотравчатости и моральной нечистоплотности. Мокрица он и дрянь».

После долгих объяснений Бобышева, редакторы решили повлиять на Битова.

«Ближе к вечеру раздался звонок. Едва я отозвался, телефонная трубка заревела на меня битовским голосом. Бешеная брань и оскорбления сотрясали мембрану несчастного аппарата, завершась патетически:

– Вызываю тебя на дуэль!

По случайности я в этот момент был один в квартире и потому мог дать волю ответному негодованию, которое я подытожил, надеюсь, не хуже:

– Ты для меня и так уже мертв.

Вскоре вышел альманах «Молодой Ленинград» с битовским рассказом. В фамилии героя была заменена первая буква. Пустяк, но это уже был не я».

* – Дмитрий Бобышев. «Я здесь». // «Октябрь», 2002, №11

И в самом деле, в альманахе 1965-го года опубликован рассказ Битова «Пенелопа», главный герой которого – некий нелеповатый Лобышев, не знающий, как избавиться от случайной знакомой. Наверяд ли в нем можно разглядеть черты Бобышева-поэта, но страсти, которые разгорелись тогда вокруг альманаха, избранного средством расправы или возмездия, впечатляют. Впечатляет и то, как редколлегия альманаха урегулировала этот вопрос, чтобы не обидеть ни одного из своих авторов.

Впрочем, эта история покажется достаточно невинной по сравнению со скандалом, обрушившемся на альманах в 1968-м году. Тогда, в конце января, в Доме писателя собрались на литературный вечер поэты и прозаики, большинство из которых были авторами «Молодого Ленинграда».

«Народу собралось очень много. Сидели на подоконниках. Выступления прошли с большим успехом.

Бродский читал под неумолкающий восторженный рев аудитории.

Через неделю он позвонил мне:

– Нужно встретиться.

– Что случилось?

– Это не телефонный разговор», – описывает ситуацию в книге «Ремесло» Сергей Довлатов.

У Бродского на руках оказалась копия доноса, подписанная членами литературной секции Ленинградского клуба Россиян при Обкоме ВЛКСМ. Доносчики обвиняли выступавших на вечере в антисоветской и сионистской пропаганде:

«Что же мы увидели и услышали? Прежде всего, огромную толпу молодежи, которую не в состоянии были сдерживать две технические работницы Дома писателя. Таким образом, на вечере оказалось около трехсот граждан еврейского происхождения...

...разговор, дерзкий и политически тенденциозный, возник уже после прочтения заурядных в художественном отношении, но совершенно оскорбительных для русского народа и враждебных советскому государству в идейном отношении стихотворных и прозаических произведений...

Городницкий сделал «открытие», что в русской истории, кроме резни, политических переворотов, черносотенных погромов, тюрем, да суверенной экзотики ничего не было...

Валерий Попов ... сконцентрировал внимание на чрезвычайно суженном мирке русской девушки, которая хочет только одного – самца, да покрасивее, но непременно наталкивается на дураков, спортсменов, пьяниц, и в этом ее социальная трагедия.

Иосиф Бродский... как синагогальный еврей, творя молитву, воздевал руки к лицу, закрывал плачущие глаза ладонями. Почему ему было так скорбно? Да потому... что ему, видите ли, несправедливо исковеркали жизнь мы – русские люди, которых он иносказательно называет «собаками».

Подписавшие письмо требовали сменить редколлегию «Молодого Ленинграда», и привлечь выступавших на вечере к административной и даже уголовной ответственности.

По счастью, скандал не вылился в уголовное преследование, но «требования «подлинных советских ленинградцев» были частично удовлетворены. Руководители Дома Маяковского получили взыскания. Директора попросту сняли. «Молодой Ленинград» возглавил Кочурин – человек невзрачный, загадочный и опасный», – пишет Довлатов.

К авторам, выступавшим на вечере, стали относиться настороженно. Больше всего пострадал Александр Городницкий – ему вернули рукопись сборника, сданную в набор. И тринадцать лет не печатали – по крайней мере, поэт связывает отказ в издании его книг именно с этим конфликтом.

А вот Сергею Довлатову, участнику «сионистского заговора», удалось опубликоваться спустя три года в том самом «Молодом Ленинграде». Примечательно, что редактором альманаха, допустившим рассказ к печати, был упоминаемый в «Соло на ундервуде», «загадочный и опасный» П.И. Кочурин. Правда, альманах он никогда не возглавлял; главным редактором в то время был Аркадий Минчковский.

Все опубликованное в СССР до эмиграции Довлатов запретил переиздавать, ссылаясь на несовершенство написанного, поэтому рассказ «Ниже ринга» доступен теперь только в «Молодом Ленинграде» да на просторах Интернета.

На самом деле, опубликованного было немного – всего три прозаических произведения. О двух из них Сергей Донатович упоминает: «... потеряв честь и совесть, написал две халтурные повести о рабочем классе. Одну сократили до рассказа и напечатали в журнале «Нева». Она называлась «Завтра будет обычный день» – ужасная пролетарская повесть. А вторую я сочинил по заказу журнала «Юность». Эта повесть – «Интервью» – безусловно, ничтожное произведение»*.

* – «Дар органического беззлобия». Интервью Виктору Ерофееву. «Огонек», № 24, 1990 г.

В этих воспоминаниях есть хронологическая неточность. Вначале вышел рассказ в журнале «Нева» (№ 5, 1973 г.) и назывался он «По собственному желанию», а рассказ «Интервью» появился в журнале «Юность» (№ 6, 1974 г.). Но еще до этого, в 1971-м году, в «Молодом Ленинграде» был опубликован рассказ «Ниже ринга» – по сути, это и был литературный дебют Довлатова.

И, в отличие от «ничтожного» рассказа «Интервью», и, затянутого, даже в сокращенном варианте, рассказа «По собственному желанию», произведение «Ниже ринга» не выглядит ущербным или сделанным на заказ. В нем проявилось все то, что так присуще довлатовскому стилю: емкость, прицельная меткость высказываний, ирония и сарказм:

«И все-таки я не жалею, что стал заниматься боксом. Все мужчины любят хороший бокс и рассуждают о боксе, но лишь кое-кто разбирается в нем и следит за боем. Остальные топают ногами и орут во все горло. Осторожного боксера считают трусом, кричат, советуют:

– «Синий» боится, «синий» боится, але, сделай «синему» кросс!

Даже такой тактический прием, как прямые удары на отходах, требующий точности и волевого превосходства, они принимают за трусость.

Однажды на первенстве города моим соседом оказался лысеющий блондин. Костюм на нем сидел так, словно он всегда спал не раздеваясь. Он громко кричал и топал ногами, а иногда делал такие движения, как будто хочет снять пиджак и показать, как именно нужно работать.

Потом он обратился ко мне и говорит:

– Милькес – кляча, правда?

Рудик Милькес пропускал гораздо меньше ударов, чем казалось со стороны, да и вообще неплохо бил с обеих рук, а когда он все-таки согнулся, как перочинный нож, и упал на колени возле канатов, мой сосед вскочил и заорал во все горло:

– «Синий» готов!

Возможно, он втайне радовался бы, увидев в цирке, как гимнаст падает с трапеции».

Из «застоя» в забвение

Говорят, что «шестидесятникам» повезло больше – на их долю пришлось и более либеральное время, и поддержка писателей-фронтовиков; сами же они в гораздо меньшей мере помогали начинающим литераторам. Брежневский застой загнал до середины 80-х не соответствующих официальной идеологии авторов в «самиздат» и «тамиздат».

(некоторые даже свои первые сборники печатали в Европе или Америке). Но свою долю признания авторы «Молодого Ленинграда» снискать успели. В это время альманах выходил почти ежегодно (исключение – 1975 и 1982 гг.), и по-прежнему вызывал живой читательский интерес.

Так, в «Молодом Ленинграде» появилась проза «медийных» персон – сатириков Михаила Мишина и Константина Мелихана, и солиста рок-группы «Санкт-Петербург» Владимира Рекшана. Отчасти к ним примыкал и Александр Житинский, то и дело мелькавший в программах, посвященных российской рок-музыке. Его «Путешествие рок-дилетанта» было настольной книгой всех подростков конца 80-х. А в 90-х он начнет развивать сетевую поэзию, создав первый в России электронный литературно-художественный альманах «Арт Петербург».

Но, конечно, Житинский, прежде всего, – писатель-фантаст, автор повестей «Хранитель планеты», «Старичок в Большой Пушкинской», «Снюсь» и т.д. В «Молодом Ленинграде» 1973-го года публиковались его фантазийные миниатюры, в которых герои разъезжают на такси по шпилью Адмиралтейства или хранят дома тяжелые, словно гири, капли никотина.

Интересным образом в этом же альманахе возникла переключка Житинского с мастером верлибра Геннадием Алексеевым.

Александр Житинский

Таксист

- Шпиль Адмиралтейства, – сказал я, садясь в такси.
- На самый верх? – спросил таксист.
- Да, желательно.
- Три рубля сверх счетчика, – подумав, сказал таксист.
- Много что-то. Я же не холодильник везу, – сказал я.
- Частник пятерку возьмет, – предупредил таксист.
- А они туда ездят?
- Вообще-то не ездят, – признался таксист. – Милиции боятся.
- Нету у меня трех рублей. Рубль у меня, – сказал я.
- А чего ж ты? Шпиль Адмиралтейства! Шпиль Адмиралтейства!
- закричал таксист. – Да я туда никогда и не ездил, скидку тебе делаю.
- Не нужно мне скидки. Или честно поедем, или я выхожу.
- Черт с тобой! – зло сказал таксист. Он захлопнул дверцу, и мы поехали. На самый верх шпиля Адмиралтейства, к кораблику.

Геннадий Алексеев

*Я боюсь ходить по Невскому.
Каждый раз
Казанский собор кричит мне:
– Привет, дружище!
Как давно мы не виделись! –
И так обнимает меня
каменными ручищами,
что у меня трещат кости.*

*Однажды я не вытерпел
и сказал ему:
– Дорогой мой,
твои объятия несколько тяжеловаты.
Обнимал бы ты лучше
Александровскую колонну.*

*Он вздохнул:
– Я бы с удовольствием,
но она корчит из себя недотрогу,
хотя все знают,
Что Зимний дворец – ее избранник.
Не понимаю,
чего она в нем нашла.
Это барокко – ужасная безвкусица!*

Другая занятная перекличка возникла в альманахе 1978-го года между поэтами Борисом Орловом, опубликовавшем стихотворение «Грузчик», и Анатолием Иваненом, написавшем на ту же тематику («Грущу – потому и грузчик, / Грузу – потому и грустно...»). Авторы, исходя из личного опыта (в юности оба подрабатывали грузчиками), опозитизировали тяжелый труд, представив его, как преодоление телесной и духовной слабости. Однако (и это характерно для творчества обоих), если у Бориса Орлова главную роль играет сюжет, метаморфоза (превращение подначивающего бригадира в заботливого отца), то Иванен больше поглощен покорением звука (оба стихотворения приведены в этом выпуске «Молодого Петербурга»).

Семидесятые стали открытием поэтов Дмитрия Толстобы, Олега Левитана и Александра Комарова. Они познакомились в 1969-м в ЛИТО

«Нарвская застава»; а позже, на заводе «Электроприбор», где работал Толсто́ба, было устроено литобъединение, которое друзья уговорили вести Александра Кушнера.

Дмитрий Толсто́ба, при кажущейся простоте стиля, совмещал в поэзии иронию и психологизм. Его также называли «маленьким Горбовским» – из-за интонации одиночества и словесных точных попаданий. Как Горбовский мог заметить, что «крокодилы ходят лежа», так Толсто́ба мог написать, что «Невский очень Эрмитажен». В «Молодом Ленинграде» Толсто́ба печатался в 1970-м, 1973-м и 1981-м годах. Трижды публиковался в альманахе и Александр Комаров (в 1971-м, 1973-м и 1980-м гг.) – «Что нам делать в стране, где не слышен совсем Комаров? / Голос лучших поэтов слабей комариного писка», – напишет поэт Алексей Ахматов в 2000-х, когда поэзия практически уйдет в подполье. Выйдя из одного ЛИТО, друзья двигались в одном поэтическом направлении; их многое роднит, однако Комаров в стихах больше уходит в сатиру, Левитан – в сентиментальность, а Толсто́ба – в трагичность. Кроме того, Толсто́ба, предпочитал короткие, емкие зарисовки. В то время как Левитан – мастер сюжетных линий, баллад (одна из них, «Баллада о дурной примете», была напечатана в «Молодом Ленинграде» в 1977 году).

Среди классических семидесятников особого внимания заслуживает Геннадий Григорьев – мастер острых сатирических реприз, искусный анаграммист и эпиграммщик. Его первые публикации в «Молодом Ленинграде» появились лишь в 1984-м, а слава пришла на пору перестройки. Полные афоризмов стихи и баллады уходили в народ (критик Виктор Топоров позже назвал Григорьева «последним народным поэтом»). «Баллада о том, как дядя Миша перестраивал сарай» (намек на Горбачева), «Баллада про испорченный телевизор», «День Зенита» и другие произведения растаскивались на цитаты («Опять татары-горемыки несут петицию Громыке», «Исчезла гласность, видимость осталась» и т.п.) – читатель и не знал, кто автор этих строк. Однако, хоть Григорьева крайне интересовали игровые моменты в стихе, они не застилали смысл, и позволяли ему выходить на драматическую ноту.

В семидесятые просачиваются в «Молодой Ленинград» и авторы-«самиздатники», которых игнорировала официальная пресса. «Поначалу многие из нас пытались публиковаться, отсылали стихи в журналы и получали отказ. Рецензенты писали, что не обнаружили у автора ни та-

ланта, ни правильного видения жизни, но чаще лаконично отвечали отказом. Что такое «правильное видение жизни», было загадкой», – вспоминает один из авторов «Молодого Ленинграда» Елена Игнатова, издавшая свой первый сборник стихов в Париже*.

Та же участь постигла Виктора Кривулина, искавшего в поэзии иррациональность и метафизику. В «Молодом Ленинграде» 1970-го встречаются его стихи о петергофских фонтанах, написанные еще в традиционном ключе. Но именно в этом году Кривулина посетило «если так можно выразиться, формообразующее озарение – и я как бы обрел магическое дыхательное знание собственной, уникальной интонации, неповторимой, как отпечатки пальцев». («Вавилон: Вестник молодой литературы». Вып. 2 (18), 1993). Свой новый стиль Кривулин определил как «спиритуальная лирика» – она должна была выходить за рамки представлений о жизни и словесности, даже здравого смысла. Это в полной мере отразилось в стихах, опубликованных в сборнике «Молодой Ленинград» 1989-го года (их даже можно окрестить «манифестом спиритуалистов»).

Со зрением

*Со зрением своим недостоверным,
С одним куском из тысячи возможных
Уходишь отовсюду, говоря:
Я видел, я узнал, я, стало быть, художник –
И перед миром одномерным
Душа склоняется твоя.
Но знаю вспышки лучшего незнания.
Мы путешествовали. Как бы и не с нами
Дрожали скалы на сетчатке,
Не мы их видели – невидимая трасса
Сквозь нищету словарного запаса,
Сквозь оговорки, через опечатки
В лицо вбегала, вышибая прочь
Глубокую затылочную ночь...
<...>*

Вслед за Кривулиным в альманахе появились другие «спиритуальные лирики» – Олег Охупкин (в 1970-м и 1971-м), Елена Шварц (в 1983-м), и уже в перестроечные годы – Сергей Стратановский (1989-м г.).

* – Е. Игнатова. Главы из книги «Обернувшись». // «Звезда», № 4, 2008 г.

Олег Охупкин несколько выбивается из этого ряда – у него особый слог, с налетом архаичности, нередко обращенный к богословию. Этому способствовала судьба поэта, которого воспитывали последователи Иоанна Кронштадского. Правда, печатали Олега мало – в основном, стихи о природе. Однако в «Молодом Ленинграде» встречаются и образцы любовной лирики («Портрет»: «Зачем гляжу на твой портрет? / Мне это мысли не осилить»), и философской («Равноденствие»: «Мы были рождены в годину горя»). Собственно, и пейзажная лирика Охупкина неотделима от его философии.

*За садом вздрогнул свет и, падая, погас.
Деревню усыпил свирелью Волопас.
И в темной тишине, в тональности A-dur
Валторной золотой даль огласил Арктур.
И тут же за бугром ему ответил пес,
И сумрачный эфир осиплый лай донес
До самых дальних звезд – туда, где Млечный Путь –
Прозябшая река, мерцающая ртуть...
На поле пал туман. В овраге фыркнул зверь.
Все, что душе дано – не завтра, но теперь,
Пока с реки сквозняк трубит в тебя, как в рог
Ты – то же, что вода, и, как река, пророг.
«Молодой Ленинград», 1971 г.*

В противовес Охупкину, Владимир Нестеровский искал слово, способное не возвысить, а бросить на самое дно, препарировав маргинальные темы. «В поэтике Петербурга он представляет как бы левое крыло... Лексика /поэтическая/ Нестеровского отличалась невероятной мешаниной, нахватанностью, темы – макарбесностью и скандальностью.» («Поэт-хулиган Нестеровский». К. Кузьминский, Г. Ковалев. // «Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны» в 5-ти томах. Коннектикут, 1980-1986 г.). В отличие от Охупкина, который нищенствовал, принимая высокий крест, Нестеровский, по свидетельству друзей, попросту пропивал деньги, постоянно меняя имеющуюся жилплощадь на меньшую. Но печатался не только в самиздате, но и в официальной прессе, для которой отбирались совсем иные стихи.

*Ковш Медвежий – словно дрожки.
Блещет лунная дорожка.*

Осторожно, пешеход:

Межпланетный переход.

Ковш Медвежий – словно дрожки,

Волны – дымчатые брошки.

По волнам упряжка мчит,

Яко посуху стучит.

Ковш Медвежий – словно дрожки.

В нем стоит Возничий Трошка,

Держит месяц-ятаган,

Зазывает в балаган.

«Молодой Ленинград», 1976 г.

С началом перестройки все изменилось. Гласность отменила строгие рамки идеологии, а вместе с тем и цензуру. Вступили в Союз писателей «самиздатницы» Елена Шварц и Елена Игнатова, в 1990-м уехавшая на ПМЖ в Израиль – для всех желающих открылись границы. Казалось бы, можно писать, о чем угодно и как угодно. Вот только печатать все это стало некому. В 1984-м году, в предперестроечный год, вышел последний выпуск знаменитого альманаха. Правда, как последний всплеск перед утоплением, в 1988-м году вышли прозаический сборник «Молодой Ленинград», и в 1989-м – поэтический. Это были еще приличные тиражи (30 и 10 тыс. экз.). Далее альманах поглотило небытие. Оказалось, что советская система, с цензурой и требованиями к идеологии, не только давила, но и поддерживала авторов. Платила гонорары, создавала ЛИТО, выпускала и распространяла по всей стране книги и журналы. С ее исчезновением официальные и неофициальные писатели сравнялись в правах, став равно никому не известными и ненужными.

Но остались, раскиданные по библиотекам, потрепанные выпуски альманахов «Молодой Ленинград», по которым можно судить об объеме и многогранности ленинградской литературы.

Листая их, читатель откроет для себя ритмические узоры Виктора Ширали, авангардную прозу Владимира Алексеева, искрометные вирши Нонны Слепаковой, взрастившей поэта Дмитрия Быкова, исповедальные строки Раисы Вдовиной... И это только малая часть имен, горевших когда-то мириадами звезд на небосклоне ленинградской литературы.